

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-2-161-171

Научная статья

Клановая иерархия как основа «тюльпановой революции» в Кыргызстане²

С.А. Воронин, Е.А. Бакина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В 2005 году в Киргизии произошла так называемая «тюльпановая революция». И по форме и по содержанию события разыгравшиеся в Кыргызстане полностью вписывались в концепцию протестных движений (бархатных, дынных, жасминовых и иных революций), развернувшихся в конце XX – в начале XXI века. Старт подобным «революциям», нацеленным на смену режима, был дан в 1953 году, когда в ходе государственного переворота, который курировало ЦРУ, был отстранен от власти премьер-министр Ирана Моссадык.

Анализ событий в Кыргызстане показал, что и за госпереворотом, приведшим к свержению президента Аскара Акаева, стояли внешние силы, координирующие свои усилия согласно методическим рекомендациям американского технолога политических переворотов Джина Шарпа. Однако действия извне, при всей их значимости, не стали основной причиной «тюльпановой революции», а выступили лишь в роли катализатора. На протяжении веков в Кыргызстане существовал комплекс внутренних противоречий между различными политическими группировками, ставший детонатором политического катаклизма в 2005 году. Одной из самых существенных внутренних причин политического кризиса 2005 года стала клановая конкуренция Севера и Юга в борьбе за власть.

Клановая иерархия является на протяжении столетий фундаментом политических систем Центральной Азии, не стала исключением и Киргизия. Рассмотрению механизма клановой иерархии, анализу политической конкуренции Севера и Юга, роли и значению кланов в ходе государственного переворота 2005 года и посвящена данная статья.

Ключевые слова: «тюльпановая революция», клановая иерархия, Аскар Акаев, Хан-Тенгри, киргизская мечта, ичкилик, сарабагыш

И сегодня отсутствие гражданского общества и развитые родоплеменные связи во многом определяют облик политических режимов стран Востока в целом, и Центральной Азии в частности.

Борьба за власть и конфликты в Таджикистане, Кыргызстане, Афганистане, Ливии во многом зиждутся на иерархии кланов и переделе закреплен-

© Воронин С.А., Бакина Е.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ных за ними конкурентных преимуществ. Такая мина замедленного действия, заложенная под фундамент традиционных обществ, способна в любой момент сдетонировать и взорвать социальный консенсус, отбросив общество в пучину средневековых конфликтов. О гражданской войне применимо к странам Востока, видимо, будет разумнее не упоминать, поскольку отсутствует само гражданское общество как таковое.

Можно с уверенностью утверждать, что именно клановая конкуренция стала основной причиной смещения со своего поста президента Аскара Акаева в Кыргызстане в 2005 году. Внешние силы лишь грамотно и умело использовали противостояние кланов в Киргизии и катализировали существующие противоречия, дав соответствующие установки конкурирующим политическим родоплеменным группировкам.

На Западе о целесообразности ухода А. Акаева с поста президента впервые публично объявили в 2004 году. Независимая международная организация ICG («Крайзис групп») опубликовала документ «Политический переход в Кыргызстане: проблемы и перспективы», в сущности, ультиматум Акаеву. «Международное сообщество должно сыграть ключевую роль для отстранения Акаева от власти, но до настоящего времени его реакция замедлена и плохо скоординирована... гораздо большая поддержка необходима средствам массовой информации, гражданскому обществу и различным неправительственным группам» [1. С. 459].

Спустя год посол США в Бишкеке Стивен Янг заявил: «Основное в предвыборный период – возбудить неуважение к политическому коррумпированному режиму Аскара Акаева, его пророссийской ориентации...» [2].

Однако изучению влияния внешнего фактора на события в Киргизии, направленные на демонтаж политического режима Акаева, посвящено значительное количество исследований, и его воздействие на «тюльпановую революцию», проведенную по классической методологии Дж. Шарпа, не вызывают сомнений и споров у большинства киргизских и российских историков и политологов.

Задача, целью которой и является написание данной статьи, состоит в том, чтобы выяснить фундаментальную причину, лежащую в основе политической нестабильности в Кыргызстане – клановую конкуренцию в борьбе за власть и доминирование в стране.

Как понимать переворот в Бишкеке с точки зрения родоплеменной политики? Для выяснения этого вопроса необходимо остановиться на таких вопросах, как родоплеменная структура киргизского общества, территориальный, демографический и религиозные факторы.

В ходе национально-территориального размежевания 1924–1927 гг. территория Киргизии получила форму причудливого треугольника с вершинами на востоке у горного узла Хан-Тенгри и с вогнутым основанием на Западе, горные обрамления которого охватывают Ферганскую долину, оставляя ее основную плодородную часть в границах Узбекистана и Таджикистана [3. С. 309]. Киргизия граничит с 4-мя государствами: на севере – с Узбекистаном, на вос-

токе – с КНР, на юго-западе – с Таджикистаном, на западе – с Узбекистаном. С двумя последними указанными государствами длительные переговоры по определению границ ведутся более 16 лет.

Гористый рельеф определяет территориальную неравномерность расселения. Спецификой расселения является и наличие сопредельных приферганских областей государств-соседей, демографический потенциал которых в совокупности превышает население Киргизии (6,5 млн чел.) практически в 2 раза [3. С. 309].

Население Киргизии в основном мусульмане. Однако это так называемый вариант периферийного ислама, отмечающегося неустойчивостью и легкостью перехода в другую конфессию при ослаблении давления со стороны центральной власти.

Если попытаться дать общую характеристику кыргызского общества, то его специфическими чертами будут выступать:

- клановая иерархия;
- степная модель, базирующаяся на родоплеменной структуре, институте вождизма, кочевых отношениях, военном мобилизационном факторе, тесном переплетении военной и административной систем;
- дихотомии сильной власти и слабого общества;
- политической системе, основанной на отсутствии частной собственности;
- стадийной текучести форм социально-экономического развития;
- идеология киргизской мечты, выраженной в эпосе «Манас»;
- отсутствию монополии на власть, принадлежащей только одному роду (исторически сформировалась система, при которой род, находящейся у власти, частично делится своими преференциями с другими родами).

Степная модель присуща в структурном плане Монголии и Центральной Азии. Эволюция этносов, принадлежащих к этой модели, принципиально отличалась от территорий оседлого земледелия, как климатическими, так и социально-экономическими условиями.

В рамках степной модели земельные угодья, земля рассматривалась не в статике, а в динамике. Земля – это, прежде всего, пастбища, а не объект возделывания. В основе процветания степной модели не почва как средство для кормления людей, а травостой как средство для прокормки скота. Таким образом, у кочевников Центральной Азии аграрные оседлые отношения не имели ключевого значения, привязки к территории не рождалось. А скотоводы (араты) легко меняли оскудевшие пастбища на плодородные. Отсюда и динамизм, и мобильность социально-экономических институтов.

В основе ранних форм государственности современного Кыргызстана лежала триада «правитель – знать – рядовые араты». Верховная собственность на землю в рамках системы политаризма, опирающейся на азиатский способ производства, принадлежит правителю (хану), собственность на распоряжение пастбищами (варианты кормления) – князьям (нойонам), рядовые араты имели право условного держания или пользования пастбищами при условии выполнения воинской повинности. Эволюция степной модели заключалась

в мирной миграции населения и внешней экспансии. В социально-государственном плане развитие шло по замкнутому кругу: от вождизма к монархии кочевой империи и после неизбежной стадии крушения государственности к новому повторению витка.

О.Е. Непомнин и Н.А. Иванов отмечают: «В степной модели возникновение государств, социального неравенства происходило без разрушения родоплеменных сообществ. Новые отношения не ликвидировали старые, а надстраивались над ними. Причем последние прочно опирались на нижний горизонт, по сути, фундамент более сложной структуры» [4. С. 376].

Органом управления и принятия решений в степной модели киргизов выступал съезд знати – собрание ближнего круга, знатных представителей клана, удерживающего власть (родственников хана).

Основой степной модели являлась военно-административная, мобилизационная система. Рядовой арат был сначала воином, а уже потом скотоводом. Это накладывало определенную специфику на отношения верхов и низов. Рядовой кочевник для клановой знати выступал и как подневольный труженик, и как воин, что определяло отношение, прежде всего, к его военному потенциалу и резко ограничивало уровень его эксплуатации, приводило к распространению патронажно-клиентельных отношений. Все это в целом и явилось основой отсутствия глобальных социальных противоречий и конфликтов. Рядовые номады боролись только с внешним, иноземным врагом. Но наряду с этим власть была предельно сильна, а социум крайне слаб, социально-экономическая сторона степной модели характеризуется монолитностью, полным огосударствлением. В ее рамках (причем и во времена СССР, и в независимом Кыргызстане), в сущности, не происходила смена одной формации на другую.

Вместо этого основой выступал фактор стадияльной текучести [4. С. 400], базирующийся на эволюционировавших, но не исчезающих родоплеменных и клановых отношениях.

Принадлежность к родоплеменным кланам играет значительную и во многом определяющую роль в современной политической жизни Кыргызстана. В 1990-е гг. – начале 2000-х гг. резко усилилось недовольство южных кланов Киргизии политическим курсом А. Акаева, принадлежавшего к северному клану.

В Кыргызстане существуют три основных клановых образования, именуемых «крыльями»: Онг – правое крыло; Сол – левое крыло и клан «ичкилик», своего рода центристская группа.

В «левое крыло» входят семь родов на севере и западе страны. В 1920 – начале 30-х гг. именно представители этого крыла (клан «бугу») руководили Советской Киргизией. В ходе действий репрессивного механизма в 1935–1937 гг. руководящие позиции клан «бугу» утратил и тем самым невольно способствовал возвышению другого северного рода, – сары багыш (к которому, кстати, принадлежит бывший президент Аскар Акаев. Основой правого крыла являлся один клан – Адыгине, уходящий корнями в Южный Кыргызстан.

И, наконец, ичкилик, также опирающийся на Юг, но представляющий собой конгломерат из нескольких родов, в том числе и некиргизских по своему

генезису, но считающих себя носителями истинно киргизского национально-менталитета [5. С. 41]. Ядро этих некиргизских родов составляют кипчаки (родной клан конкурента А. Акаева К. Бакиева). Кипчаки – этнообразующая группа для узбеков и казахов. Она не признается населением Кыргызстана как киргизская. Они говорят на ином диалекте. «Ичкилик» не вписывается в родо-племенную структуру киргизов. С XVIII в. в рамках военно-административной системы киргизы делились на 2 крыла (левое и правое), в каждом порядка 30 племен. Ичкилик не принадлежал ни к одному из крыльев. Таким образом, и ранее и в современной Киргизии эта клановая группа занимает сепаратные позиции и в антропологическом, и в этническом плане [6. С. 142].

Сложившееся в сталинские годы доминирование северного клана во властной вертикали Киргизии сохранялось в течение всего советского периода. В рамках древней киргизской мифологии северяне позиционировали себя с точки зрения самого легитимного клана, предьявляющего властные амбиции.

Именно за ним традиционно закрепился приоритет в формировании высшего уровня власти. Как подчеркивал В.Э. Багдасарян: «В среднеазиатских республиках СССР за ширмой советской системы клановая модель сохраняла свое существование» [7. С. 153]. К примеру, длительный период с 1961 по 1985 гг. первым секретарем Киргизской ССР был Турдакун Усубалиев, представитель Севера. В своих мемуарах он пишет: «Я, Турдакун Усубалиев, являюсь одним из потомков сарыбагышского племени. По старинной народной традиции каждый взрослый кыргыз должен знать семь своих прямых предков по мужской линии, если он их не знает, то его осуждают, как не знающего своего родства. Но я знаю не только имен семерых своих прямых предков, знаю больше – всех родоначальников, от которых происходило племя Сарыбагыш» [8. С. 13].

Следует заметить, что все попытки дестабилизировать политическую обстановку в Киргизии всегда были связаны с историческим реваншем южных кланов над северными, со стремлением изменить иерархию родоплеменных группировок. Первая попытка пересмотреть сложившуюся традиционную иерархическую модель приходится на период с 1945 г. и до 1961 г., когда главой республики стал Исхак Раззаков – представитель клана ичкилик, т.е. Юга [9. С. 38].

Вторая волна клановых изменений приходится на время М.С. Горбачева. Генеральный секретарь ЦК КПСС выдвинул на пост первого секретаря Киргизской ССР А.М. Масалиева, принадлежащего к южному клану. И в 1990 г. Киргизию охватили политические волнения. Ситуация стабилизировать лишь спустя год, когда властные полномочия пришли к А. Акаеву, представлявшего род сара багыш Севера Кыргызстана.

Аскар Акаев взошел на политический Олимп на волне эйфории независимости, базирующейся на концепции «кыргызской мечты», нашедшей отражение в легендарном эпосе «Манас». Киргизы два тысячелетия мечтали о государственности и независимости. Звездный час пришелся на IX век – время так называемого киргизского возрождения.

Аскар Акаев как новый политический лидер Кыргызстана опирался на многовековые традиции и был просто обязан опираться на собственное легендарное происхождение, легитимизирующие обладание властью. Сам А. Акаев в преддверии 1000-летнего юбилея эпоса «Манас» так отвечал на вопрос о своем происхождении: «Наш род восходит к приемному сыну хана, который жил в XVI веке. Один казахский султан, спасаясь от преследователей, был вынужден перейти к кыргызам. У этого султана от кыргызской жены родился сын, который был усыновлен ханом и в последствие стал великим кыргызским ханом, от которого и пошел наш род. Меня иногда называют казахом. Но, думаю, сам Аллах не смог бы различить казаха от кыргыза» [10. С. 10].

Историком Д. Сапаралиевым было проведено специальное исследование родословной кыргызского президента. Он выяснил, что Акаев принадлежит к племени сарабагыш, которое включает в себя 4 родственных отдела:

1. Эсенгул (его возглавил легендарный манап Уметалы, сын хана Ормона);
2. Тынай (манап Жантай Карабеков, потомок Атаке-бия, отправлявшего послов к Екатерине II);
3. Черикчи (манап Турегельды Абайдуллин);
4. Надырбек (манап Калыгул Байуулу, знаменитый акын, один из основоположников историко-философского учения «заман» о бренности мира и его неизбежном трагическом конце) [11. С. 47].

Таким образом, А. Акаев, действительно, потомок древних киргизских манапов племени сарабагыш, а по матери-казашке в его жилах течет и казахская кровь. Хорошо известно, что А. Акаев находится родственных отношениях с Н. Назарбаевым именно по материнской линии.

Традиционная иерархическая клановая модель была восстановлена до марта 2005 года. В общем, тот факт, что первым президентом независимого Кыргызстана стал «северянин» Аскар Акаев, можно считать продолжением традиции советской кадровой политики.

Очередным историческим реваншем Юга стал приход к власти Курманбека Бакиева (клан ичкилик). Его на короткий отрезок времени сменила Роза Отумбаева (род саруу, Север). И наконец, ситуация была стабилизирована Алмазбеком Атамбаевым, принадлежащим к Северу, но являющимся по происхождению рода южанином (род ичкилик).

Наиболее устойчивая политическая система Киргизии в рамках клановой концепции была выстроена все же именно президентом А. Акаевым в период с 1991 г. по март 2005 г. Он провозгласил курс на демократизацию страны и попытался сделать из Кыргызстана островок, витрину демократии в Центральной Азии. Однако несмотря на кажущуюся стабильность с начала 1990-х гг. в стране шла порой напряженная латентная, порой прорывающаяся на поверхность борьба между кланами Севера (чуйско-иссыкульский род) и кланами Юга (ошский род и этнические узбеки).

В политической элите страны руководящие посты занимали представители северного клана (уроженцы Чуйской области – родины Акаева; Нарынской области – племени сара багыш). Но вплоть до 2005 года эффективного

механизма политической системы так и не сложилось. Непотизм стал основой режима А. Акаева.

Электоральный период был избран оппозицией с Юга при поддержке различного рода западных организаций типа Freedom House для расшатывания позиций северян. На 27 февраля 2005 года в Киргизии были назначены выборы в парламент. Южане во главе с К. Бакиевым создали оппозиционный блок и призвали к выходу на улицу с протестами против действующей власти, а результаты еще не состоявшихся выборов были объявлены нелегитимными. Сценарий «цветной революции» пошагово реализовался в Киргизии. Но тому были серьезные предпосылки: слабость местной власти – Севера, демократизация Киргизии по западным лекалам.

Об этом незадолго до марта 2005 г. говорил сам действующий президент А. Акаев: «Предпосылки конечно, есть... У нас в Киргизии уже есть основы демократии, свободно действуют оппозиционные СМИ, нет цензуры, создано пять тысяч неправительственных организаций. Почва для технологий подготовлена. Я уверен, что в Туркмении эта технология не сработает. А в Киргизии может...» [12. С. 203]. Следует отметить, что Акаев дал довольно точную оценку ситуации.

Уже в первых числах марта 2005 года протестные волнения, возглавляемые кланами Юга, распространяются по территории всего Кыргызстана. По всей стране проходят митинги с требованиями отставки А. Акаева. 13 марта 2005 года состоялся второй тур выборов в парламент Киргизии. По его результатам большинство получили сторонники Акаева. Но Юг не признал эти результаты. В Джалал-Абаде было создано параллельное правительство.

Посол Янг, уже открыто выступая в Бишкеке 21 февраля, заявил: «Если президент Акаев не станет баллотироваться на следующий президентский срок, то он останется в истории как один из основателей демократии в стране». При этом «если выборы в Киргизии не будут соответствовать демократическим стандартам, то это приведет к охлаждению отношений не только между США и Киргизией, но и Бишкека с остальным миром». Смысл, вкладываемый американцами в слово «демократический», хорошо известен. 16 марта посол США в Киргизии С. Янг встал на сторону южного клана и потребовал от Акаева оставить пост: «Решение уйти в отставку станет серьезным шагом вперед в развитии демократии» [13. С. 46].

В прессу активно вбрасывается информация о якобы имеющих место гонениях на свободную прессу, попытках президента Аскара Акаева закрыть неудобные ему оппозиционные издания, в частности газету «Моя столица – новости», которая печатается в типографии фонда поддержки СМИ, организованного при содействии госдепартамента и той же организации «Фридом Хаус». Нагнетаются слухи о причастности главы государства к снятию с предвыборной парламентской гонки ряда кандидатов, в том числе бывших членов его команды.

Ключевые события так называемой, «тюльпановой революции» пришлось на 24–25 марта 2005 г. В центре Бишкека прошел митинг оппозиции во главе с

К. Бакиевым и под лозунгами: «Долой Акаева!», «Акаева в отставку!». В ночь с 24 на 25 марта оппозиция провела захват ряда правительственных зданий и осуществила погромы супермаркетов, принадлежавших сыну А. Акаева.

25 марта обе палаты киргизского парламента назначили К. Бакиева исполняющим обязанности президента и премьер-министра, а 3 апреля 2005 г. в ходе переговоров А. Акаева и спикера нового парламента О. Текебаева в Москве был подписан договор о досрочном сложении полномочий президента в соответствии с собственным заявлением [14].

На некоторое время Юг одержал исторический реванш при опоре на американские информационно-политические штыки над Севером. Но участи пасть жертвой конкуренции кланов не избежал и К. Бакиев, который лишился своего поста в апреле 2010 г. при аналогичных обстоятельствах.

«Обвиняя своего предшественника в коррупции, nepoтизме, социально-экономической поляризации богатого Севера и бедного Юга, он и не подозревал, что будет свергнут под аккомпанемент тех же лозунгов», – справедливо резюмируют Н. Данюк, М. Юраков [15. С. 47].

Бакиев относился к джалал-абадскому роду южного клана, но, приведя своих соплеменников во власть, он сразу же вызвал недовольство со стороны северян. И клановая иерархическая спираль снова разжалась.

«Тюльпановая революция» 2005 г. не сняла противоречий между Севером и Югом, а лишь стала прологом к «дынной революции» 2010 г., в ходе которой к власти в Кыргызстане пришло коалиционное правительство. Но и эта коалиционность, естественно, носила родоплеменной, клановый характер.

В событиях 2005 года помимо клановой конкуренции были задействованы и пружины скрытого механизма борьбы за влияния на Киргизию. Россия не хотела отпускать Киргизию из сферы своего влияния, США пытались Россию из Киргизии выдвинуть.

Как отмечал директор гарвардского центра Дэвиса по изучению России и Евразии М. Гольдман: «Потянув за конец киргизской нитки, можно размотать весь клубок бывших советских республик. И сама Россия может быть опрокинута» [16].

Весьма заинтересован в дестабилизации ситуации в Кыргызстане Китай. Китайские историки еще в 50–60-е годы XX в. обосновывали историческую принадлежность Киргизии как к бывшей вассальной территории Китаю. Сомнительно, что эти амбиции в современных условиях сошли на нет.

Узбекистан и Казахстан в рамках борьбы за региональное лидерство хотят ввести в орбиту своего влияния и Бишкек. Родоплеменные группировки Севера традиционно являются проказахскими. А. Акаев находится в родственных связях с бывшим президентом Казахстана Н. Назарбаевым. Юг ориентируется на Узбекистан. Как известно, 15% населения Кыргызстана – этнические узбеки.

Нельзя также сбрасывать со счетов и доктрину панмонголизма – чингизидского возрождения. В основе этой идеологии – концепция о том, что монгольские этносы, к которым докритеры проекта относят и киргизов, подвергались

искусственной тюркизации. Политическим бенефициаром такого проекта выступают США. Их задача дестабилизировать ситуацию в Киргизии и в дальнейшем, умело играя на клановой конкуренции Севера и Юга и, в конечном счете, оторвать киргизов и от России, и от КНР.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Глумсков Д., Громов А.* Революция forever // Эксперт. 2005. № 12.
- [2] National Security Strategy of The United States. May, 2005. Washington, 2010.
- [3] Внешняя политика стран СНГ. М., 2017.
- [4] *Непомнин О.Е., Иванов Н.А.* Типология азиатских обществ. М., 2010.
- [5] *Айдаркул К.* Международные отношения киргызов // Кыргызстан: история и современность. Бишкек, 2002; *Хамидов А.* Волнения в Киргизии с точки зрения соперничестве кланов // Евразия. 2002. № 2.
- [6] *Сариев М.* На каких принципах строится политика в Киргизии // Русский репортер. 2010. № 14.
- [7] *Багдасарян В.Э.* Мир под прицелом революции. СПб., 2017.
- [8] *Усубалиев Т.* О нашем времени и о делах моей жизни. Бишкек, 2003.
- [9] *Лузянин С.П.* Цветные революции в центрально-азиатской проекции: Кыргызстан – Узбекистан – Казахстан // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 5.
- [10] *Койгуев Т., Плоских В.* Аскар Акаев: ученый, политик. Бишкек, 1996.
- [11] *Сапаралиев Д.* Родословная президента А. Акаева // Свободные горы. 1996. № 45–53.
- [12] *Акаев А.* Думая о будущем. Размышления о внешней политике и мироустройстве. М., 2004.
- [13] Дипломатия США в Кыргызстане / под ред. Д. Орлова. М., 2015.
- [14] РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20050403/39612595>.
- [15] Филимонов Г., Данюк Н., Юралов М. Переворот «цветные революции»: современные технологии демонтажа политических режимов. СПб., 2016.
- [16] URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/>; <https://we.hse.ru/cic/davis>.

REFERENCES

- [1] Glumskov D., Gromov A. Revoljucija forever // Expert. 2005. № 12.
- [2] National Security Strategy of The United States. May, 2005. Washington, 2010.
- [3] Vneshnjaja politika stran SNG. M., 2017.
- [4] Nepomnin O.E., Ivanov N.A. Tipologija aziatskih obshhestv. M., 2010.
- [5] Ajdarkul K. Mezhdunarodnye otnoshenija kyrgyzov // Kyrgyzstan: istorija i sovremennost'. Bishkek, 2002; Hamidov A. Volnenija v Kirgizii s točki zrenija sopernichestve klanov // Evrazija. 2002. № 2.
- [6] Sariev M. Na kakih principah stroitsja politika v Kirgizii // Russkij reporter. 2010. № 14.
- [7] Bagdasarjan V.Je. Mir pod pricelom revoljucii. SPb., 2017.
- [8] Usubaliev T. O nashem vremeni i o delah moej zhizni. Bishkek, 2003.
- [9] Luzjanin S.P. Cvetnye revoljucii v central'no-aziatskoj proekcii: Kyrgyzstan – Uzbekistan – Kazahstan // Central'naja Azija i Kavkaz. 2005. № 5.
- [10] Kojguev T., Ploskih V. Askar Akaev: uchenyj, politik. Bishkek, 1996.
- [11] Saparaliev D. Rodoslovnaja prezidenta A. Akaeva // Svobodnye gory. 1996. № 45–53.

- [12] Akaev A. Dumaja o budushhem. Razmyshlenija o vneshnej politiki i miroustrojstve. M., 2004.
- [13] Diplomatiya SShA v Kyrgyzstane / pod red. D. Orlova. M., 2015.
- [14] RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20050403/39612595>.
- [15] Filimonov G., Danjuk N., Juralov M. Perevorot «cvetnye revoljucii»: sovremennye tehnologii demontazha politicheskikh rezhimov. SPb., 2016.
- [16] URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/>; <https://we.hse.ru/cic/davis>.

Research article

Clan hierarchy as the basis of the “tulip revolution” in Kyrgyzstan

S.A. Voronin, E.A. Bakina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

In 2005, the so-called Tulip Revolution took place in Kyrgyzstan. In terms of form and content, the events that took place in Kyrgyzstan fully fit into the concept of protest movements (velvet, melon, jasmine and other revolutions) that unfolded at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries. The start to such “revolutions” aimed at changing the regime was given in 1953, when the Prime Minister of Iran Mossadyk was removed from power during the coup d'état, which was supervised by the CIA.

An analysis of the events in Kyrgyzstan showed that behind the coup that led to the overthrow of President Askar Akayev, there were external forces coordinating their efforts in accordance with the methodological recommendations of the American technologist of political coups Gene Sharpe. However, external actions, for all their significance, did not become the main cause of the Tulip Revolution, but acted only as a catalyst. Over the centuries, in Kyrgyzstan there has been a complex of internal contradictions between various political groups, which became the detonator of a political cataclysm in 2005. One of the most significant internal causes of the political crisis of 2005 was the clan rivalry of the North and South in the struggle for power.

The clan hierarchy has been the foundation of the political systems of Central Asia for centuries; Kyrgyzstan was no exception. The article is devoted to the consideration of the mechanism of the clan hierarchy, the analysis of political competition between the North and the South, the role and importance of clans during the 2005 coup.

Keywords: “tulip revolution”, clan hierarchy, Askar Akayev, Khan-Tengri, Kyrgyz dream, Ichklik, sarabagysh

Информация об авторах / Information about the authors

Воронин С.А., д.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории РУДН, директор Центра исторической экспертизы и государственного прогнозирования. E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Бакина Е.А., ассистент кафедры всеобщей истории РУДН, заместитель директора Центра исторической экспертизы и государственного прогнозирования. E-mail: Bakina_ea@rudn.ru

Voronin S.A., Doctor of History, Head of the Department of General History of RUDN University, Director of the Center for Historical Expertise and State Forecasting. E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Bakina E.A., Assistant of the Department of General History of RUDN University, Deputy Director of the Center for Historical Expertise and State Forecasting. E-mail: Bakina_ea@rudn.ru

Для цитирования / For citation

Воронин С.А., Бакина Е.А. Клановая иерархия как основа «тюльпановой революции» в Кыргызстане // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2019. Т. 11. № 2. С. 161–171. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-2-161-171>.

Voronin S.A., Bakina E.A. Clan hierarchy as the basis of the “tulip revolution” in Kyrgyzstan // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. No. 2. Pp. 161–171. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-2-161-171>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 12.03.2019